

МИР И ВОЙНА: ХРИСТИАНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА МЕТАФИЗИКЕ НАСИЛИЯ

Олег Борисович Давыдов

доктор философских наук
профессор кафедры богословия Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
328gr@rambler.ru

Для цитирования: *Давыдов О. Б.* Мир и война: христианская альтернатива метафизике насилия // Богословский вестник. 2019. № 4 (35). С. 87–101. doi: 10.31802/2500-1450-2019-35-87-101

Аннотация

УДК 111.1

В статье рассматривается богословская концепция «мирной онтологии» (ontology of peace), противопоставляющейся «онтологии насилия» (ontology of violence). Данное различие принадлежит современному богослову Джону Милбанку и обладает эвристической ценностью для христианской метафизики при её диалоге с постмодернистскими философскими и богословскими нарративами. «Мирная онтология» выступает фундаментальной истиной христианского мышления и жизненной практики, позволяющей признать весомость и значимость различий как дара божественной аналогии.

Ключевые слова: метафизика, мирная онтология, онтология насилия, аналогия бытия, творение, различие, идентичность.

В эпоху постмодерна, продолжающейся деконструкции современных практик и институтов главной тенденцией остается эмансипация, которая была невероятно тоталитарной и насильственной. Мировые войны, революции и концентрационные лагеря прошлого века стали ужасным свидетельством насильственной природы современного проекта. Этот проект в своих философских интенциях и практических моделях был движим принципом единства или абстрактной унификации, притесняющей и изгоняющей иное. В том, что господствующая тенденция социального и политического устройства была тоталитарной и не допускающей разнообразия, позволяет убедиться история советского периода с его репрессивностью и нетерпимостью к инаковости и инакомыслию.

В условиях постмодерна, критической реакции на тоталитаризм, вместо современной рациональной унификации, подчинения разнообразия нарративов о реальности, стилей и целей жизни абстрактному рационально унифицированному единству предлагается диалектическое послание философии постмодернистского стиля, которое в общих чертах можно охарактеризовать как культ различия. Одной из причин справедливого повышения внимания к инаковости и уважению к различиям явились тоталитарные эксцессы антигуманности и всеразрушающего господства воли к власти, изменившие облик мировой цивилизации в прошлом столетии. Переживание и осмысление этих событий привело к формированию специфической моральной и интеллектуальной атмосферы последней трети прошлого столетия, получившей название постмодерна. С одной стороны, внимание к репрессированным группам и отдельным лицам со стороны постмодернистов следует признать справедливым, но с другой стороны, в постмодернистском мире не наблюдается умиротворения, фиксируется глобальная дестабилизация и рост насилия. Обнаруживая себя в этой амбивалентной ситуации, христиане должны задаться законным вопросом: достигнуто ли постмодернистской стратегией и практикой действительное освобождение от тоталитарных режимов на практике и в мысли или же чаемая эмансипация от насилия и воли к власти имеет иную природу, исходящую из богословского провозвестия мира и позитивности различия?

Для ответа на этот важнейший вопрос следует обратиться к философским, метафизическим основаниям постмодернистского проекта и выявить их сходство с классическим богословским нарративом о реальности. Для прояснения истоков этого определения необходимо

обратиться к идеям философа, оказавшего несравненно мощное влияние на постмодернистскую ментальность и философию — Ницше. Согласно его взглядам, насилие — это источник и начало бытия. В отношении ницшеанского видения бытия как воли к власти справедливой будет формула: в начале было насилие. По причине насильственной и конфликтной сущности бытия, внутренняя природа всех существ описывается Ницше как воля к власти, поэтому борьба между различиями неизбежна и блага. Конфликт — это не отклонение от изначального мирного состояния и не эксцесс, который должен быть как можно скорее и с меньшими издержками преодолен, не аномальная катастрофа, но он есть нормальное явление и истинная природа реальности. Именно потому, что христиане с их нарративом мира и любви не вписываются в эту героическую и воинственную картину реальности и выступают желающими остановить войну и уменьшить насилие, они описываются Ницше как мстительные, слабые и трусливые люди, заражённые моралью рабов. Такое повествование о различиях, как конфликт, является собственностью всех постмодернистских философов.

Нарратив о бытии как непредставимом и возвышенном «месте» трансцендентального насилия составляет бэкграунд основных вариантов постмодернистской философии. Жак Деррида в эссе «Насилие и метафизика»¹ настаивает на том, что идентификация Бога и бытия, которая служит краеугольным камнем томистской теологии, является пленением библейского образа Живого Бога греческой метафизической идеей бытия. Деррида развивает постхайдеггеровское повествование о богословии как онтической науке. Также это можно описать как новую версию полугностического намерения отделить библейскую теологию от платонической метафизики. Тем не менее, эмансипационный пафос постметафизического дискурса в свете христианской теологии можно охарактеризовать как окончательную и бесконечную игру сил, воли к власти и насилию.

В современном западном богословии осмысление постмодернистской онтологии, или учения о бытии, было критически произведено Джоном Милбанком. В фундаментальном труде «Теология и социальная теория»² он описывает постмодернистскую философию как «онтологию

1 *Деррида Ж. Насилие и метафизика. Очерк мысли Эммануэля Левинаса // Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000. С. 124–248.*

2 *Milbank J. Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason. Oxford; Cambridge, 1990. P. 5–6.*

насилия», а весь постмодернистский проект — как нигилистический. Я согласен с Милбанком в том, что невозможно развивать критику насилия, начиная с любой нравственности или социальной феноменологии, которая претендует на автономность от метафизики и теологии. Постмодернистская деконструкция современного тоталитаризма как производного от метафизики идентичности приводит к иному режиму насилия — к анархической хаотичности, бесконтрольной и пересекаемой вспышками воли к власти. Различие, тождественное бытию, есть актуальная конфликтность, и быть — значит конфликтовать, выступать против и преодолевать всякое противодействие.

В перспективе христианской богословской критики постмодернистский культ насилия и воли к власти представляет собой рецидив язычества. Выступая как проект подозрения вечных истин и целей, как практика разоблачения и деконструкции стратегий власти, постметафизический нарратив не отрицает того, что власть и насилие составляют существо бытия. То, что предлагается, представляет собой изменение режима на анархический, деструкция существующего порядка в целях достижения конечной справедливости, которая тем не менее остаётся бесконечно отдалённой от любой фактической ситуации и недостижимой. Но даже справедливость в перспективе героической добродетели языческого агона есть лишь право сильного на доминирование и самоутверждение мощи.

Несмотря на то, что такой нарратив о бытии претендует на подрыв универсалистской метафизики и морали, будучи риторическим свидетельством о спонтанности изначальной силы бытия и переливающейся через край кипучей энергии чистого становления, отрицающей саму себя, при ближайшем рассмотрении он оказывается не чем иным, как новой формой универсализма. Такого рода нигилистическое видение реальности, безусловно, не может быть принято христианами, утверждающими, что мирный, неконфликтный и недиалектический характер реальности — как создание и аналогичный образ бесконечного триединого Бога. Великие христианские богословы подчёркивали принципиально мирную природу созданной реальности. Фундаментальное предположение Августина заключается в том, что материальный мир — это результат свободного творчества Бога, а не диалектического самоотчуждения, конфликта или насилия. Поскольку для Августина Бог в его имманентной жизни есть триединство ипостасей, существующее в отношениях любви, свободно разделяемых всеми, постольку Бог свободен мирно творить реальность, которая

может войти в эту любовь. Для Аквината фундаментальная природа тварного мира должна быть понята через аналогию бытия, в которой отношения и реальность творения находят аналогию в имманентной тринитарной жизни Бога.

Подобная онтологическая основа понимания природы того, как мирно существует созданный Богом мир, является краеугольным камнем альтернативы различным нарративам онтологического насилия. Милбанк видит в идее того, что насилие соответствует природе реальности, миф, которому следует противопоставить христианскую мирную онтологию: «Чтобы противостоять этому, не следует реанимировать либеральный гуманизм, но можно попытаться выдвинуть альтернативный миф, столь же безосновный, но тем не менее воплощающий “мирную онтологию”, которая воспринимает различия как аналогически соотносённые, а не однозначно противоречивые»³.

Для Милбанка тварная реальность является аналогичным выражением имманентной божественной жизни: тринитарности ипостаси и единства сущности. В подобном нарративе бытие понимается не как результат эманации или диалектического отпадения мира от Бога, но как чистое творение *ex nihilo*, как мирный дар, как радикальная альтернатива различным видам насильственной онтологии и нигилистической атмосферы светских обществ позднего модерна или постмодерна. Имея основания для описания и защиты подлинного различия как позитивного и мирного дара божественной экспрессии в творении только христиане могут обнаружить, предотвратить и исцелить насилие любого рода, включая открытую или скрытую под маской универсального гостеприимства или самоограничивающего благоразумия разрушительную и неизбежно реализующуюся в подавлении инаковости вечную игру воли к власти: «В сравнении с христианством все другие мифы, или нарративные традиции, утверждают или с трудом скрывают изначальное фундаментальное насилие, которое сакральный порядок лишь сдерживает»⁴. Нигилистическая и насильственная онтология возрождённого в постмодернистской ситуации языческого героизма и бытия как имманентного и вечного конфликта для христиан должна быть не чем иным, как мифом, как неверной и опасной интерпретацией природы реальности, которая, будучи благим и прекрасным творением триединого Бога есть не что иное, как мирная экспрессия и общение в любви.

3 *Milbank J. Theology and Social Theory. P. 279.*

4 *Ibid. P. 262.*

Постмодернистский режим онтологии предполагает нередуцируемый плюрализм нарративов или языковых игр, потенциально конфликтных и негармонизируемых. Радикальность христианской альтернативы постмодернистской «онтологии насилия» состоит в том, что рассказ о творении мира из ничего не предполагает изначального хаоса и анархии противоборствующих сил, но являет темпоральное развертывание божественной благодати и мирности. Библейские основания такого видения творения, которое «хорошо весьма» и по природе является благом предполагает то, что зло и насилие не имеют своей причиной Бога, не имеют позитивного существования, но являются негативным недостатком бытия, возникающим случайно и не вписывающимся в величественный и мирный развивающийся порядок творения как конечного выражения божественной бесконечности.

Оригинальной стороной описываемого богословского проекта является то, что он предполагает радикально мирную социальную онтологию⁵. Для Милбанка теология становится социальной теорией, поскольку описание реальности больше не является сказкой о неявной или явной борьбе, как предлагают социологи, политики и экономисты. Другими словами, христианская онтология мира указывает путь выхода из современного кризиса демократии и усиления во всем мире насильственной правой политической риторики: «Христианство есть полная противоположность какого-либо героического отождествления добродетели с силой, успехом или завоеванием. Оно прославляет зависимость и провозглашает отказ от насилия»⁶. Такое насилие не только возможно, но и носит структурный характер, поскольку человеческому образу бытия соответствует диалектика индивидуальной свободы и коллективного блага.

В соответствии с политической экспликацией тринитарной онтологии мира, политика должна иметь позитивную моральную и коммуитарную цель, в чём современный либерализм терпит неудачу, поскольку он поглощен ограничением зла и предполагает фундаментальный эгоизм. В противоположность нигилистическому и насильственному видению реальности и человеческих отношений Милбанк развивает богословские интуиции блж. Августина, согласно которым языческие доблести героизма неприемлемы для христиан, ибо они несут в себе яд насилия и стремления к власти. Но это состояние, согласно библейской истине о человеке и мире, не является ни благом,

5 Kerr F. *Simplicity Itself: Milbank's Thesis* // *New Blackfriars*. 1992. Vol. 73. P. 309.

6 *Ibid.* P. 286.

не изначально, но есть свидетельство поражённости природы грехом, который исцелён самим Богом в его Воплощении. Иными словами, мирное сосуществование в любви и уважении не есть случайный момент в вечной истории борьбы и конфликта, но, напротив, борьба, насилие и воля к власти представляют собой печальное отклонение от Божьего замысла о творении. «Мирное ядро» христианского благовестия дарует способность распознавать даже самые утончённые и изощрённые формы насилия и разоблачать их несостоятельность и противоестественность в свете деятельной любви: «Верное себе христианство должно сопротивляться любым формам насилия: домодерному насилию закона, современному насилию субъективных “правовых норм”, постмодерному насилию тотального отсутствия всяких норм»⁷.

История человечества и опыт жизни каждого человека дают ясное представление о том, что мы живём в мире, в котором нескончаемое соревнование, конкуренция, борьба за ресурсы, влияние, доминирование, контроль и власть неразрывно и почти исчерпывающие определяют все аспекты человеческого отношения к миру и к себе: «Любые теории, продукты и интересы: происхождение вселенной, вопрос о родстве человека с животными, любовь к прекрасному, гуманитарная озабоченность, более быстрый транспорт — могут, в конце концов, давать власть, увеличивая её размах, ресурсность и гибкость»⁸. Безразличность ко всему, кроме власти и господства, — таков принцип постмодернистского состояния, наследующего в этом основном стремлении модернистскому проекту рационального подавления инаковости и властвования над реальностью при помощи науки. В этом отношении христианское провозвестие мирности как изначально и сущностного свойства тварной реальности может показаться утопическим нереалистическим, противоречащим феноменологии социальной и политической действительности. В отличие от постмодернистского нарратива, видящего в конфликтности и насилии истину реальности, её историю и судьбу, воспринимающего состояние мира как отсутствие войны, христианское видение реальности как творения триединого Бога воспринимает мирность и гармонию как дар божественной аналогии, а конфликт — как отклонение от нормы и ненадлежащее состояние.

Наиболее плодотворным режимом взаимодействия между постмодернистской «мудростью различия» и богословием является, на мой

7 *Milbank J. Postmodern Critical Augustinianism: A Short Summa in Forty-two Responses to Unmasked Questions // Modern Theology. 1991. Vol. 7. P. 230.*

8 *Ibid. P. 274.*

взгляд, не однозначное противостояние и не единодушное отождествление, а критический диалог. События такого плодотворного взаимодействия с актуальной философской мыслью эпохи и составляют основную задачу христианской мысли о бытии. Так, находясь в критическом диалоге с философией различия, американский православный богослов Дэвид Бентли Харт оригинальным образом развивает предложенную Милбанком концептуальную форму богословской мирной онтологии бытия. В книге «Красота бесконечного: эстетика христианской истины» он указывает на то, что современная метафизика имплицитно дисгармонична и потенциально конфликтна, поскольку неспособна согласовать дуализмы субъективного и объективного, имманентного и трансцендентного, контингентного и необходимого, партикулярного и универсального. Такое диалектическое или антиномическое блуждание является прямым следствием утраты тринитарного измерения метафизики, которое соответствует христианской мирной онтологии.

Выявляя насильственные элементы в западной метафизике модерна и постмодерна, Харт указывает на Гегеля, чья предельно претенциозная философская система остаётся негативным основанием для постмодерной ментальности. Описывая имманентную конфликтность диалектического нарратива Харт отмечает: «Гегель не может (как это должно делать христианское богословие) противопоставлять истинную историю и ложную, историю мира (peace) и историю насилия (в этой истории не может быть аналогического интервала между Богом и миром (world), но вынужден сделать первую — предпосылкой и остатком второй, так что мир (peace) и насилие взаимозаменяемы»⁹. Иными словами, и диалектика, и постмодернизм при риторически заявляемой противоположности произрастают из одного метафизического корня — насилия и борьбы. Применяя метафору Ницше, Харт говорит о диалектическом взаимопереходе Аполлона и Диониса, порядка и хаоса, которые, борясь, поддерживают друг друга.

С богословской позиции, различающей между истинным нарративом о творении как мирном даре бога и ложным нарративом о мире как о результате отпадения от изначального единства или как о безначальном и бесцельном потоке конфликтных различий, метафизика характеризуется именно безразличием. Более того, подобное умонастроение, присутствующее как гегельянскому рассказу, так и постмодернистскому радикальному эмансипативному проекту, сопровождается неизбежным трагизмом и отсутствием эсхатологической перспективы для бытия и сущего.

9 Харт Д. Б. Красота бесконечного. Эстетика христианской истины. М., 2011. С. 58.

Неспособность увидеть соотношение сущего и бытия как мирное самораскрытие бытия обусловлено господством возвышенного над прекрасным. Это сложное событие, ознаменовало деструкцию классического нарратива о бытии как единстве трансценденталий, и аналогическую связь тварного бытия с Богом. Именно возвышенное как то, что выходит за рамки способности представления, как бесформенное и непредставимое становится ареной противостояния и конфликта не-сущего бытия и конкретного сущего, а также удалившегося в непреодолимую даль трансцендентного Бога, фактически ставшего своей противоположностью. Постмодерн в любой из его философских модификаций есть нарратив о непредставимом возвышенном, довлеющим над контингентной реальностью и просвечивающей через тонкую и вторичную поверхность событийной истории.

Помимо того, что торжество возвышенного (в «снятой» форме) разрушает интегральное и дифференцированное единство трансценденталий бытия, лишает возможности осмысленного разговора о форме как неотъемлемой составляющей всякой манифестации бытия, оно делает неизбежной диалектику бесконечного и конечного. В свою очередь, диалектика — это конфликт и признание неизбежности насилия, а всякое обнаружение бесконфликтности в моменте мирности растворяется в вечном потоке самоотрицающего становления. В сущности, насилие кроется во всём, что есть, лишь постольку, поскольку оно есть и присутствует, неся в себе раскол (Гегель) или разрыв (Ницше) между подлинной возвышенной реальностью и неподлинным хаосом конечных сущих.

Структурной проблемой для богословской концепции мирной онтологии является необходимость экспликации того, как метафизическое насилие возвышенного влияет на практическое насилие социального и морального характера. Модерный проект имел определённую метафизику бытия, или онтологию, которая в богословской перспективе предстаёт как онтология однозначного имманентного бытия. Мир и сущие в нём не имеют никакой, даже негативной отсылки к трансцендентному, а этические различия определяются исключительно внутримировыми факторами и эквивалентами. Имманентная онтология представляет собой перманентное колебание между порядком и хаосом, что соответствует ницшеанскому рассказу о вечной неразрывности и борьбе Аполлона и Диониса. В результате, в аспекте социальной и политической феноменологии жизнь, управляемая и направляемая такого рода диалектикой, становится перманентной борьбой центров

власти и режимов подавления противоборствующих сил. Маятник насилия качается из одной крайности в другую, а воля к власти лишь сменяет акторов и стиль подавления инаковости.

Уникальность и плодотворность христианского видения реальности как принципиально мирной засвидетельствованы радикальнейшим в истории изменением образа бытия человека и общества: преобразованием античного мира с его воинственными добродетелями в христианский мир с преобладанием добродетели любви. Но христианская практика происходит из «мирной онтологии», согласно которой различия свободны от предшествующей им идентичности, но свободно сосуществуют в ритме гармонизации и взаимного дополнения. В свою очередь, насилие не принадлежит природе бытия и не является естественным фоном всякого мирного состояния, но выступает печальной случайностью, непредвиденной перверсией, отклоняющимся от нормы результатом ненадлежащего употребления конечной воли. Постсовременный социальный и моральный хаос являет триумф индивидуальной спонтанности неуправляемого движения воли, конфликтующей как со своей собственной конечностью, так и сталкивающейся с другими центрами воли. Такое состояние не допускает существования не только какого-либо осмысленного социального порядка и моральной ответственности, но исключает практику добродетели как активного стремления к телосу природы. Различия постмодернистского однозначного и имманентного бытия не могут дать иного способа существования, чем конфликт и взаимное насилие в борьбе за господство и реализацию воли к власти.

Радикальная эмансипация индивидуалистической капризной воли от любых стабильных идентичностей в постмодернистской ситуации приводит к недоверию к любым неиндивидуальным реальностям. Идея общества ставится под изначальное подозрение как нечто внешнее и тоталитарное в отношении индивидуальной спонтанности. Так реализуется исходная установка онтологии насилия на изначальность конфликта и неизбежность насилия. И это же становится негативным подтверждением христианского тезиса о том, что длительность существования человеческого сообщества обуславливается тем, что оно представляет собой имитацию и развитие изначального гармоничного и бесконфликтного состояния — мира.

Было бы прямолинейно и наивно считать постмодерн и его эмансипационный пафос безрассудной и спонтанной игрой, осуществляющейся в герметичных кругах секулярного интеллектуализма и никоим

образом не затрагивающей христианство. Напротив, постмодерн даёт возможность христианству открыть собственные внутренние ресурсы, прежде всего богословские и риторические, со всей возможной силой отстаивающие благо инаковости и признание мирного и уважительного сосуществования различий. Если христианский нарратив истинен, а мир есть творение, то в его бытии не только нет никакой необходимости, но нет и оправдания войнам и насилию, искажающим Божий замысел о творении. Об этом свидетельствовала великая христианская богословская традиция во все эпохи, но в отношении философского постмодерна следует помнить о том, что «благие намерения, за неимением другого, редко заменяют воздействие дурной метафизики, а этическое напряжение в мысли постмодерна — это, как правило, совершенно бессодержательный жест»¹⁰.

Будучи солидарен с Милбанком в вопросе метафизической формы христианского нарратива о бытии, Харт указывает на аналогию бытия как фундаментальную форму христианского нарратива. Аналогия позволяет непротиворечиво и гармонично совместить идентичность и различие, не впадая в их диалектическое противопоставление и конфликт. Принадлежа широкой традиции христианской метафизики Милбанк и Харт полагают онтологию более универсальным и первичным уровнем реальности в отношении феноменологической контингентности. Впрочем, аналогический язык в его аутентичной богословской форме, давая возможность говорить о бытии мира как отблеске и отдаленном подобии божественного бытия, сохраняет апофатический мрак и бесконечную инаковость непостижимого и превышающего всякие пределы конечного разума бытия триединого Бога. В этом смысле метафизика особого рода естественна и необходима для богословия, ибо она «будучи воспринята специфически, как измерение внутри богословия, характеризует необходимую грамматику для мышления Бога истинно трансцендентным, а также представляет собой необходимую модальность восприятия Откровения как объекта рационального восхождения, оказывает помощь разуму в стремлении к Богу, который не является идолом сентиментальности или фантазии»¹¹.

10 Харт Д. Б. Красота бесконечного. С. 56.

11 Hart D. B. Orthodox Theology and Inevitability of Metaphysics. In *Theology and Philosophy in Eastern Orthodoxy: Essays on Orthodox Christianity and Contemporary Thought* / by Christoph Schneider (Editor). Pickwick Publications, 2019. P. 77.

Христианский опыт бытия не противопоставляет универсальное и партикулярное, не принижает тварное в отношении к нетварному, но признаёт весомость и достоинство различий как мирной аналогической экспрессии божественных совершенств. Для того чтобы христианское благовестие было убедительным и привлекательным, чтобы оно в полной мере осознавало свою радикальность и вечную новизну (это ему не всегда удаётся сделать, поскольку оно утратило богословское видение реальности как тварной экспрессии божественной мирности), ему необходимо иметь иринический (примиряющий) стиль, оформляющий проповедь бесконечного мира и недопустимости конфликта. Как уже было сказано, постмодернистская атмосфера характеризуется универсальным предрассудком о том, что бытие есть различие, а различие есть насилие, потенциальное или уже актуализированное. Если для постмодернистской и в определённой степени современной метафизики различие есть исток конфликта и оно разрешается в насилии, то для христианства, чей нарратив обусловлен и задаётся мирной тринитарной истиной Бога, различия не только не являются причиной конфликтов, но свидетельствуют о том, что бытию творения присуща радикальная гармоничность как дар, вызывающий восхищение и желание ответного дара.

Но всё же невозможно игнорировать ставшее привычным, но тем не менее постоянно меняющееся движение последних десятилетий, в котором неконтролируемо возрастает плюралистичность и нередуцируемая гетерогенность интенсивно глобализирующегося мира. Идентифицирующая себя как мудрость чистого различия того, что не имеет диалектической зависимости от идентичности, постмодернистская риторика с необходимостью ведёт к видению реальности как поля бесконечного неурегулированного, спонтанно возникающего и бесцельного в онтологическом плане конфликта, то есть столкновения между различиями. Если различие не гармонизировано с идентичностью, а противопоставлено ей, то такое различие в принципе не может сосуществовать в едином поле с иным различием без конфликта с ним. Однозначно истолкованное различие становится противоположностью самого себя и «снимается» в диалектической борьбе с самим собой. Альтернативой онтологии насилия, в которой различие тождественно конфликту, выступает мирная онтология причастности, в которой идентичность и различия гармонизируются в мирной экспрессии сходств и несходств творения и Творца. Реальное различие не есть

трансцендентальный принцип однозначно выраженного бытия, безразличный и аморфный, но реляционная динамичность, присущая темпоральному потоку возрастающих различий и вариативных дополнений неидентичного повторения той же самой темы и предполагающая не только реальное отношение между тождественным и инаковым, но и общение между ними, аналогически интенсифицирующегося по мере восхождения к триединому бытию и истоку бытия всего тварного. Обретая подтверждение и серьёзность намерений в «мирной онтологии», христианская риторика и практика примирительной и преображающей активности в мировом пространстве обретает аутентичные черты. Требуя известной дистанцированности от практик мирского доминирования и реализации воли к власти посредством латентного или открытого насилия, жизнь христианского сообщества развёртывается как непрестанное миротворчество и преодоление бесчисленных малых и больших противостояний в мире, а также постоянно возникающих разделений, которые всегда являются следствием конфликта и искажения истины бытия творения как мирного и прекрасного дара триединого Бога.

Монотонный шум постмодернистской риторики, экспрессивной и эксцентричной, не должен заглушать голоса христиан, свидетельствующих о том, что, хотя мирность бытия дана в творении мира, совершенное избавление от конфликтности невозможно в рамках истории и является эсхатологическим даром¹². Мир тварного бытия как аналогической экспрессии тринитарной гармонии уже дан, но ещё не вполне осуществлён исторически и остаётся чаемым в эсхатологическом событии Христа, в котором непротиворечиво и ниспровергая все притязания насилия и воли к власти, вступает в общение бесконечное и конечное: «Христианская традиция — не что иное, как благовестие этого эсхатологического примирения, предлагаемая в настоящий момент как истинная форма различия и способ его передачи»¹³. Это событие, являясь вплетённым в ткань истории спасения, в своей значительности и универсальности неизмеримо превышает всякие условия и границы конечного, свидетельствуя об имманентной тринитарной жизни Бога, мирной и гармонически прекрасной. История богословия обладает неисчерпаемым потенциалом для преодоления противоречий и конфликтов современности, но что ещё более важно, богословское сознание способно преодолевать собственные внутренние проблемы,

12 *Hauerwas S. Resident Aliens: Life in the Christian Colony. New York, 2014.*

13 *Харт Д. Б. Красота бесконечного. С. 193.*

творчески прочитывая прошлое в диалоге с настоящим. Сообщество христиан уже является и ещё должно стать воплощением мирности, принятия инаковости и признания позитивных различий, свидетельствования в мире, живущем по закону разделения и противостояния практике примирения и гармоничного общения.

Библиография

- Деррида Ж.* Насилие и метафизика. Очерк мысли Эммануэля Левинаса // *Деррида Ж.* Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 124–248.
- Харт Д. Б.* Красота бесконечного. Эстетика христианской истины. М.: ББИ, 2011.
- Kerr F.* Simplicity Itself: Milbank's Thesis // *New Blackfriars.* 1992. Vol. 73. P. 305–310.
- Hauerwas S.* Resident Aliens: Life in the Christian Colony. New York: Abingdon Press, 2014.
- Hart D. B.* Orthodox Theology and Inevitability of Metaphysics // *Theology and Philosophy in Eastern Orthodoxy: Essays on Orthodox Christianity and Contemporary Thought* / ed. Christoph Schneider. Eugene (Oregon): Pickwick Publications, 2019. P. 76–97.
- Milbank J.* Postmodern Critical Augustinianism: A Short Summa in Forty-two Responses to Unasked Questions // *Modern Theology.* 1991. Vol. 7. P. 225–237.
- Milbank J.* Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1990.

Peace and War: A Christian Alternative to the Metaphysics of Violence

Oleg B. Davydov

Doctor of Philosophy

Professor in the Theology Department

of Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

328gr@rambler.ru

For citation: Davydov O. B. "Peace and War: A Christian Alternative to the Metaphysics of Violence". *Theological Herald*, № 4 (35), 2019, pp. 87–101. (In Russian) doi: 10.31802/2500-1450-2019-35-87-101

Abstract. The article discusses the theological concept of «ontology of peace», which is opposed to the «ontology of violence». This distinction belongs to the modern theologian John Milbank and has heuristic value for Christian metaphysics in the need for its dialogue with postmodern philosophical and theological narratives. «Ontology of peace» is the fundamental

truth of Christian thinking and life practice, allowing us to recognize the weight and significance of differences as a gift of divine analogy.

Keywords: peaceful ontology, ontology of violence, analogy of being, creation, difference, identity

References

- Derrida Z. (2000) *Pis'mo i razlichie [Writing and distinction]*. Moscow: Akademicheskij proek (In Russian).
- Hart D. B. (2011) *Krasota beskonechnogo. Jestetika hristianskoj istiny [The beauty of the infinite. Aesthetics of Christian truth]*. M.: Bogoslovsko-Biblejskij institut (In Russian).
- Hart D. B. (2019) "Orthodox theology and Inevitability of Metaphysics", in Schneider Ch. (ed.) *Theology and Philosophy in Eastern Orthodoxy: Essays on Orthodox Christianity and Contemporary Thought*. Eugene (Oregon): Pickwick Publications, pp. 76–97.
- Hauerwas S. (2014) *Resident aliens: life in the Christian colony*. New York: Abingdon Press.
- Kerr F. (1992) "Simplicity Itself: Milbank's Thesis". *New Blackfriars*, vol. 7, pp. 305–310.
- Milbank J. (1991) "Postmodern Critical Augustinianism: A Short Summa in Forty-two Responses to Unasked Questions". *Modern Theology*, vol. 7, pp. 225–237.
- Milbank J. (1990) *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. Oxford; Cambridge: Blackwell.